

И. А. ЛОБАКОВА

«Житие митрополита Филиппа»

1. Соотношение Краткой и Пространных редакций Жития

«Житие митрополита Филиппа» привлекало к себе внимание многих исследователей. Правда, обращались к нему, как правило, историки,¹ используя его с большей или меньшей степенью критичности в качестве одного из основных источников при изучении событий 50—70-х гг. XVI в.² Однако традиционно исследователи анализировали текст Пространной редакции Жития. И этому факту есть объяснения.

Во-первых, в рукописной традиции Пространная редакция представлена более чем 130 списками (Краткая существует в единственном,³ по крайней мере пока других ее списков обнаружить не удалось).

Во-вторых, печатались фрагменты текста лишь Пространной редакции.⁴ Только в 1881 г. И. Яхонтов напечатал начальный эпизод Краткой редакции.⁵ В описаниях жизни митрополита Филиппа историками церкви изложение также велось по тексту Пространной редакции.⁶

Специального исследования, в котором сопоставлялись бы Пространная и Краткая редакции, проведено не было. Однако по сложившейся традиции считалось очевидным, что Пространная редакция является первоначальной.

¹ См. Ключевский В. О Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1871. С. 311—312; Уманец Ф. Митрополит Филипп // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. Т. 3, № 11. С. 193—210; Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 566—575; Яхонтов И. Жития святых северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 135—154; Знаменский П. В. Произведения словесной письменности, относящиеся к личности святого Филиппа-митрополита // Православное обозрение. 1882. № 4 (апр.) С. 768—785; Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. Париж, 1928; Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 30—62.

² Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М., Л., 1950. С. 27—29, 32—33; Зимин А. А. 1) Митрополит Филипп и опричнина // Вопросы истории религии и атеизма. М. 1963. Т. 11. С. 269—292; 2) Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. // АЕ за 1963 г. М. 1964. С. 56—71; 3) Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 212—259; Скрынников Р. Г. Начало опричнины // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1966. Т. 294. С. 340—343, 381—410; Латышева Г. Г. Публицистический источник. С. 30—62.

³ РНБ, собр. Соловецкое, № 191/191, посл. треть XVII в., л. 1—24.

⁴ Жития святых Российской церкви. Также иверских и славянских. Месяц январь. СПб., 1857. С. 50—150; Начертание Жития, подвигов и изречений святителя Филиппа II, митрополита Московского и всея России чудотворца. М. 1860; Леонид (Краснопевков). Жизнь святого Филиппа митрополита Московского и всея России // Душеполезное чтение. 1861. Ч. 2. С. 21—83, 127—194.

⁵ Яхонтов И. Жития святых. С. 376—377.

⁶ Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884. С. 125, 162; Макарий (Булгаков). История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1887. Т. 6. С. 301—312.

При этом исследователи, обращавшиеся к тексту Краткой редакции, отмечали, что собственно фактическая часть в Краткой и Пространных редакциях совпадает.

И. Яхонтов писал: «Рассмотренное житие св. Филиппа, довольно обширное по объему, но бедное по содержанию, неизвестно когда и кем было пересмотрено и подверглось значительному сокращению. Составитель краткой редакции нашел возможным выпустить не только пространное витиеватое предисловие, но и из самой биографии вычеркнул все типические места, разного рода амплификации и риторические фигуры, оставив единственно чисто исторические показания <...> Считаем излишним делать особое сличение этих двух редакций, так как примесь неисторического элемента в просторном, нами уже разобранном, сама собою становится очевидною при прочтении сокращенной редакции. Как исторический источник краткая редакция вполне и с большим удобством может заменить собою просторное Житие; в ней историческая истина представляется прямо взору читателя, тогда как, чтобы узнать ту же истину в житии просторном, требуется умение отличить ее от произвольных измышлений биографа, типических и искусственных черт».⁷

П. В. Знаменский отмечал: «При сравнении этого жития с просторным известной редакции оно оказывается простым сокращением последнего. Когда такое сокращение было произведено, неизвестно, но произведено оно рукою довольно искусною; из старой редакции здесь выпущено сначала все витийственное предисловие автора и таковое же послесловие, затем, в самом рассказе вычеркнуты всякого рода общие фразы и типические черты, обрисовывающие не личность святого, а лишь общий идеал святости, все, служащее только для одного риторства и без нужды тормозящее рассказы; и оставлены одни исторические показания без лишних прибавлений. Переделыватель очевидно желал своим трудом помочь читателю изучить жизнь святителя Филиппа во всевозможной полноте ее фактов, но с большей легкостью и с меньшей потерей времени, чем это возможно было при обширной редакции жития, и надобно отдать ему справедливость — достиг этой цели успешно».⁸

В «Описании рукописей Соловецкого монастыря» читаем: «Краткая редакция, составленная из Просторной. Сокращения особенно велики в изложении досвятительского периода жизни св. Филиппа, потом рассказ делается просторней и ближе к обыкновенной редакции Жития».⁹

И более нигде вопрос о соотношении Краткой и Просторной редакций Жития не ставился.

Хотя еще В. О. Ключевским было отмечено, что Просторная редакция представлена двумя видами: «обыкновенной» редакцией и особой, текст которой дошел в одном списке. Г. Г. Латышева, сравнив тексты Просторной редакции, пришла к выводу, что известная ей в единственном списке (РГБ, собр. Ундольского, № 380) Кольчевская Просторная редакция является первоначальной по отношению к Просторной Тулуповской (зафиксированной более чем 130 списками), которая была дополнена выдержками из «Поучения благого царства» Агапита. Сам факт использования этого публицистического сочинения VI в. была отмечен И. Шевченко,¹⁰ Г. Г. Латышевой было рассмотрено, как включались фрагменты Поучения в текст Тулуповской редакции. Создание Кольчевской редакции Г. Г. Латышева датировала периодом между 1591 г. (датой перенесения мощей Филиппа в Соловецкий монастырь) и 1598 г. (датой смерти царя Федора Ивановича); создание Тулуповской отнесено ею к

⁷ Яхонтов И. Жития святых. С 153—154

⁸ Знаменский П. В. Произведения соловецкой письменности. С 777—778

⁹ Описание рукописей Соловецкого монастыря СПб., 1881 Ч. 1 С. 331

¹⁰ Ševčenko I. A. Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // Harvard Slavic Studies. 1954. Vol. 2. P. 166—173

20-м гг. XVII в. (тенденциозность подчеркивания приоритета духовной власти над светской, как решила исследовательница, оказывается вполне в русле идей, складывавшихся при патриархе Филарете).¹¹

При сравнении текстов двух Пространных редакций доказательства Г. Г. Латышевой казались убедительными и не могли вызвать возражений. В обобщающих статьях в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» Р. П. Дмитриевой, писавшей о «Житии митрополита Филиппа», и Д. М. Буланина, статья которого была посвящена Филиппу как автору грамот и посланий, этот уровень решения текстологической проблемы и был зафиксирован.¹²

Тем не менее без привлечения выпавшего из поля зрения (в последние сто лет) текста Краткой редакции вряд ли можно делать окончательный вывод о результатах текстологического исследования.

Данная статья не претендует на исчерпывающую полноту и является лишь этапом в большой работе, которую еще предстоит проделать.

Для сопоставления текстов были использованы рукописные материалы. Текст Краткой редакции приводится по рукописи РНБ, Соловецкое собр., № 191/191;¹³ текст Тулуповской — по рукописи Древлехранилища ИРЛИ — колл. Амосовой-Богдановой, № 12;¹⁴ сверялся по рукописи из колл. ИМЛИ, № 6,¹⁵ колл. Лукьянова, № 41;¹⁶ текст Кольчевской редакции — по подготовленному к печати Г. Г. Латышевой по рукописи РГБ, собр. Ундольского, № 380.¹⁷ При сравнении учитывался также дефектный список Кольчевской редакции, не имеющий начала (рассказ в нем начинается со строительства Филиппа в Соловецком монастыре, чуть более подробного, чем в основном списке по списку Ундольского. Вероятно, ограниченная временем, Г. Г. Латышева не смогла идентифицировать текст и ошибочно посчитала его самостоятельным произведением, которое назвала Повестью о митрополите Филиппе), — РНБ, О.ХVII.15.¹⁸

Проделанный анализ позволяет утверждать, что текст Краткой редакции не является сокращением ни одной из Пространных.

В Краткой редакции не только нет деления на главы (которое есть и в Кольчевской, и в Тулуповской), но сам синтаксический порядок в каждой из редакций самостоятелен. Это прослеживается по всему тексту. В качестве примеров можно привести два фрагмента:

Краткая ред

*Пространные ред*¹⁹

1) «И егда же достиже возраста, вданъ бысть в научение грамоте»

«По времени же родители его своим изрядным представителем повелеваот его вручити художной хитрости — еже божественному Писанию. В том же он со всякою своею сердечною правостию повсяднево во благом том

¹¹ Латышева Г. Г. Публицистический источник. С. 30—62.

¹² Дмитриева Р. П. Житие Филиппа митрополита (Кольчева) // Словарь книжников. Вып. 2. Ч. 1. С. 342—344; Буланин Д. М. Филипп // Там же. Ч. 2. С. 466—470.

¹³ Конволют XVII—XVIII вв., л. 1—24, где читается текст Жития, имеют филигрань «голова шута». Точного аналога обнаружить не удалось. Причем, если по форме колпака, выделенному двумя линиями вороту с пятью зубцами, завершенными колокольчиками, филигрань Соловецкой рукописи оказывается близка тем, что имелись на бумаге, датированной 1639—1659 гг., то по завершению пирамиды из пяти шариков и начертанию двух с трудом просматривающихся букв она ближе бумаге 1660—1680 гг. (однако сама пирамидка с буквами во всех указателях встречается только у шута с воротником с 7 зубцами).

¹⁴ Рукопись 40-х гг. XVII в.

¹⁵ Рукопись середины XVII в.

¹⁶ Рукопись 1-й половины XVII в.

¹⁷ Рукопись второй трети XVII в. Пользуясь случаем благодарю Г. Г. Латышеву за любезно предоставленный машинописный текст Кольчевской редакции.

¹⁸ Рукопись конца XVII в.

¹⁹ В приводимых фрагментах тексты Кольчевской и Тулуповской редакции совпадают.

училиши простираяся, на игры же пустошныя, яко же обычай есть детям, никакко же устремяшеся. Но паче же благоу часть избираше, его же благодать Божия осеняше, и ясно вразумляется книжному учению. От него же сокровища премудрости и разума, сокровенно веселия причащается, яко же святопесенцу вкус: „коль сладка словеса твоя, паче меда устом моим“».

2) «По неколице же времени преставися великий князь Василей Иванович, во иноцехъ Варлаамъ. По нем же приемлетъ отчее достояние сынъ его Иванъ Васильевичъ — скипетръ царствия».

«Предварившая же светозарная та звезда от нашего зрениа сокрывается выспрь, къ праведному Солнцу-Христу в вечныя сияния: кроточюдный и в добродетелех пресветлый великий государь и великий князь Василей Ивановичъ всея Росии, во ангельском образе Варлаамъ, изводит от жития сего общий долг смертный, облак и гроб покрываетъ ему любодаровитыя очи. И яко есть останок человеку мирну, и семя его в благословении будет, два убо прекрасна цвета своя он зде возводит во отчее и деднее наследие, благочестивого своего царьскаго корени две отрасли оставляет: величайшаго Ивана Васильевича всея Росии и юнейшаго Георгия Васильевича всея Росии. И по мале времени восприя царския скипетр, отчее наследие, — достохвалный Иван Васильевичъ всея Русии».

Хотя принято говорить о риторической украшенности вступления и заключения в Пространных редакциях, но очевидно стремление создателя Пространных обо всем «в лепоту рещи».

Несмотря на то что в значительном числе фрагментов тексты Тулуповской и Кольчневской редакций совпадают (часто — дословно), что позволяет возвести их к общему источнику, но между ними есть и существенные отличия, которые уже были отмечены исследователями. Составителем Кольчневской редакции были опущены эпизоды — и иногда довольно значительные по объему: рассказ о жизни Федора на озере Онего (на пути из Москвы к Соловецкому монастырю), о мольбе новгородцев заступиться за них перед царем Иваном Васильевичем, о лжи анагности на Филиппа, о столкновении Филиппа с царем в Новодевичьем монастыре, о долгих размышлениях игумена Иакова перед написанием послания к Федору Ивановичу о возвращении тела Филиппа на Соловки и само послание его царю; отсутствует список иерархов, принимавших участие в Соборах, и др.

Краткая редакция по своей сюжетной схеме совпадает с Тулуповской: рождение Федора — его учение — уход в Соловецкий монастырь через Онежскую землю — труды в монастыре — принятие пострига — поставление в игумены — строительная деятельность Филиппа — призвание его в Москву после смерти Макария и ухода Афанасия с митрополичьей кафедры — мольбы новгородцев о заступничестве — торжественная встреча Филиппа в Москве — нежелание быть митрополитом — наставление Филиппом царя — решение государя об учреждении опричнины — созыв Священного собора — отказ благословить царя на разделение царства — столкновение в Успенском соборе — обличение Филиппом царя — ложь анагности — столкновение в Новодевичьем монастыре — посольство на Соловки за ложными слухами о Филиппе — прибытие лжесвидетелей и «злосмрадных» свитков в Москву и чтение их пред царем — срывание с Филиппа риз в Успенском соборе и его пророчество — унижительная отправка Филиппа в Богоявленский монастырь — поставление Филиппа перед лжесвидетелями и его отповедь — заточение и чудесное избавление от оков в обители Николы Старого — принесение Филиппу головы его казненного брата Михаила Кольчневца — заточение в Твери — предчувствие смерти — появление Малоты Скуратова с требованием благословить поход на Новгород Ивана Грозного — отказ Филиппа — его смерть от руки опричника — спешное захоронение Малотой Филиппа — решение соловецкого игумена Иакова обратиться

к Федору Ивановичу с просьбой передать тело Филиппа соловецкой братии — проезд в Тверь — обретение мощей Филиппа — захоронение у стены Преображенского собора Соловецкого монастыря.

По сравнению с Краткой в Тулуповской редакции есть эпизоды (которые содержатся и в Кольчевской) о том, что Филипп был поставлен в игумены дважды (после первого поставления он отпросился у игумена Алексия в пустынь), о праведности соловецкой братии, а также содержащийся только в Тулуповской редакции эмоционально-напряженный рассказ о решении Иакова писать царю Федору послание, повествование о трех чудесах у мощей Филиппа в Соловецкой обители (которое сохранено подавляющим большинством списков).

Нельзя считать Краткую редакцию и лаконичным пересказом ни одной из Пространных.

Так, пересказом Кольчевской Краткая быть не может, ибо в ней содержатся эпизоды, в Кольчевской отсутствующие (уже названные — рассказ о жизни Филиппа на Онежском озере по пути к Соловецкому монастырю; ложный донос анагоста на Филиппа; сцена столкновения Филиппа с царем в Новодевичьем монастыре; список церковных иерархов, принимавших участие в Соборах, и др.).

Нельзя считать Краткую редакцию и пересказом Тулуповской (как аргумент полагали исследователи XIX в.): в тексте Краткой содержатся некоторые общие чтения с Кольчевской в тех фрагментах, которые в двух Пространных редакциях не совпадают:

Краткая ред

1) «Святый же Филипп-митрополитъ нача молити царя, еже престати от такового начинания И начати ко царю от божественнаго Писания глаголы предлагати и по семь рече „Никако же на таково дело несть и не будет нашего благословения!“»

2) «Царьской убо синьклитъ обязали ся куплями житейскими, *изжеделели славы тленныя и мира*»

3) «Долготерпеливый же страдалец и пастырь словесных овец не бояся прещения, ни мукъ предложения *но полагаше душу свою за порученное ему от волки стадо словесныхъ овецъ* и рече Благий царю “»

Кольчевская ред

«Истинный же пастырь, Филипп-митрополит нача молити благочестиваго государя, дабы государь престал от такового неугоднаго начинания Богу и всему православному христианству И вспомяну ему евангельское слово „Аще царство на ся разделится, запустеет“ И ина многа глагола со многими слезами „И никако же на таково дело несть и не будет наше благословение!“»

«И на се ли взираете, еже молчит весь царьской синьклит — все бо суть обязалися куплями житейскомми *и вожделени мира тленного!* Нас же Господь »

«Долготерпеливый же пастырь не бояся прещения ни мукъ предложения *но полагаше душу свою за порученное ему стадо Владыки своего словесное стадо* моля и запрещающа »

Тулуповская ред

«Блаженный же Филипп приступль к царю и рече „Благочестия хранителя свемь тя, и истинне поборника, и православию снабдителя, и своєю державы смотрителна правителя И никто же, ничто же иже на твою державу зло совещиваетъ свидетель есть — всевидящее Око! О царю, мы бо от отец нашихъ прияхомъ, еже обчно есть — царя чтити, и еже к нему благоразумие — паче всего почитати Престани от такового начинания Держися еже от начала твоего изволения, и хотения, и разума, стани крепче на камени веры, на немъ же добре от Господа основанъ еси подражай добротелемь “»

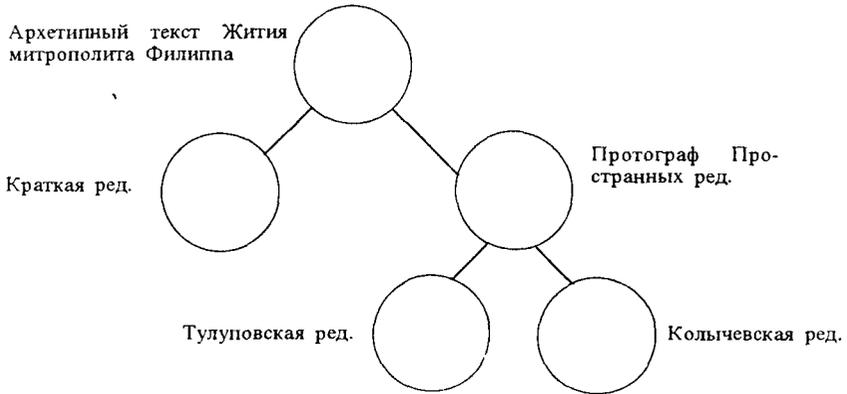
«И на се ли взираете, еже молчитъ царской синьклитъ — они бо обязалися куплями житейскими Нас же Господь »

«Долготерпеливый же пастырь не бояся прещения ни мукъ предложения и рече Царю благий! Вашему повелению »

Совершенно очевидна близость Краткой редакции к Кольчевской в этих фрагментах.

Таким образом, можно сделать вывод, что в тексте, к которому восходят обе Пространные редакции, эти чтения были.

Проведенное сопоставление делает возможным предложить следующую стемму:

Можно с известной долей уверенности предположить, что в архетипном тексте «Жития митрополита Филиппа» присутствовала новгородская тема (просьба новгородцев заступиться за город, ввавший в немилость к государю), рассказ о строительстве Филиппа в монастыре имел хронологическую последовательность (рассказ о постройке Успенского собора, гидротехнических работах, строительстве Преображенского собора), содержались эпизоды с наговором анагноста и сцена столкновения Филиппа с царем в Новодевичьем монастыре, упоминались имена церковных иерархов, принимавших участие в соборах, обличения Филиппом царя.

Соловецкий список Краткой редакции подверг текст своего источника очень незначительной переработке.²⁰

Поскольку в обеих Пространных редакциях читаются дополнения к архетипному тексту, источником которых, как уже вскользь отметил И. Яхонтов, были «Житие Александра Свирского», «Житие Александра Ошевенского», «Житие Михаила Тверского», то очевидно, что в протографе Пространных редакций и были сделаны эти добавления.

Тулуповская редакция подвергла текст своего источника меньшей обработке, Кольчевская — большей, при том, что редактором Тулуповской в текст протографа оказались введены обширные речи Филиппа, в которых было использовано «Поучение благого царства» Агапита.

Необходимо отметить, что в каждой из трех редакций Жития — Краткой, Кольчевской и Тулуповской совершенно по-разному осмысливаются и роль Филиппа, и образ Ивана Грозного.

«Слышав же отрокъ Феодоръ о Соловецкомъ монастыри в морскомъ отце во стране северной — о обители преподобных отецъ Зосимы и Саввatea, и отиде от царствующаго града Москвы...» — так повествуется о решении Федора в Краткой редакции. Федор покидает Москву в июле 1537 г. Историками отмечалось, что толчком для его ухода стали события апреля — июня 1537 г., когда Кольчевы оказались в опале: были каз-

²⁰ В нем очень мало вторичных чтений: они отмечены в подготовленном к изданию в «Библиотеке лигатуры Древней Руси» тексте Жития.

нены сторонники князя Андрея Старицкого двоюродный дядя Федора Гаврила Владимирович, родные дяди Андрей и Василий Ивановичи. Иван Иванович Умной-Колычев, конюший князя Георгия Васильевича, пытан, брошен в тюрьму. Позже был освобожден, принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Сергия (упоминается в известном Послании Ивана Грозного). Однако вероятно, что Федор с юности готовил себя к монашескому служению: представитель знатного, богатого, могущественного рода, не обладавший «телесными пороками», он до 30 лет не был женат.

В Пространных редакциях (и в Колычевской, и в Тулуповской) решение приходит к Филиппу внезапно. «Егда же приспе в совершенство мужа — в тридесат лет возраста своего, во един убо от дней вшедшу ему в церковь во время божественнаго гласования и слыша чтуща иерея на литургии святое Евангелие: „Не мощно убо человеку едином оком на землю зрети, а другим — на небо, ни двема господинома работати“ (в Тулуповской добавлено «шобо единого возлюбить, а другога возненавидити, или единого держитя, о друзем же нерадети начнетъ»). — *И.Л.*) обаче убо уязвися сердцемъ премудрый Федоръ, яко к нему се речеса...». После этого в Пространных редакциях Федор «вспоминает о лавре преподобных и богоносных отецъ нашихъ Зосимы и Саватия». Создатель Пространных редакций подробно описывает праведность и истовость служения иноков Соловецкой обители (причем эта многословная похвала читается дважды — после «вспоминания» Федора и в описании его прихода в Соловецкий монастырь): «Бяше убо тамо шум празднующих и гласъ радованен в крове праведныхъ техъ мужъ Зосимы и Саватия и спостника ихъ Германа, иде же духовнаго сада добродлиствия красни отрасли воцвѣтаютъ отъ негиблющихъ аромать, еже отъ божественныхъ Писании и о Бозе исправляютъ агтелообразное свое воображение, иже многи к тому добросадному и не завистному селу с верою притекають на исправление своимъ единокорнымъ и безсмертнымъ душамъ, не токмо иноцы, но и мирстии людие ту же всякое истерзають терние греховное и о душе просвѣщаются избобильно же, и богатномысленнымъ масломъ, и изрядно выспрь к Богу взирають...».

В Краткой редакции о трудах Федора в Соловецкой обители перед пострижением говорится как об обыденно тяжелой работе: «...дрова секий, и землю копая, и камене нося, и всяку работу монастырскую работаше». В Колычевской его труды лишены какой-либо конкретности: «...повелено бысть сему Феодору тружатися в монастырскихъ службахъ со инеми благородными приядицеми тружающимися. Онъ же нача тружатися Бога ради со всяцемъ усердиемъ и послушаниемъ, аможе повелено бысть ему до полутору году. И многи скорби и труды подья, яко безискупный раб, никимъ же неведомъ бяше». В Тулуповской труды Федора описываются как великий подвиг смирения, кротости и тяжести: «...и многи скорби и труды подья, яко бе изкупный рабъ работая, лето и поль. И вящше и бе удивлено видети, яко такову родителю честну чадо и славьну, и в мяхкости и въ покое воспитанъ, таковымъ жестокиимъ деломъ себѣ вдаваше: дрова убо секий, и землю копая во ограде, и камене преноса, и в рыбныхъ ловитвахъ всяку тяготу подья. И на вся таковая со тщаниемъ делаше, многощи же и гной на плещу своею нося, и на устроение зелию полагаше, и на мельницы со всякимъ тщаниемъ работаше многощи ж отъ неразумныхъ человекъ уничижаемъ и биемъ, но и правомъ всемъ подражая владыки своего Христа, унижаемъ — не гневашеся, биемъ — радовашеся, со смиренномудриемъ вся терпяше. И не бе знаемъ ни отъ кого же, кто и откуда естъ».

В Краткой редакции рассказ о поставлении Филиппа игуменом лишен всяких подробностей: «Гоя же обители игумень Алексий в то время уже престарая, поручает же сему Филиппу власть свою. Такожде и вси братия возлюбиша его и избраша. И идоша с нимъ в великий Новъградъ ко архиепископу Феодосию. И тамо поставлень бысть игуменомъ от архиепископа Феодосия, и отпушень вскоре во обитель».

В Кольчезской и Тулуповской редакциях в пространным повествовании о поставлении Филиппа переплетаются подробно разработанные мотивы избранничества Филиппа («Архиепископъ же рече: „Почто его не вижу?“». Бе бо ему и преже пришествия его ведомо, каков бе!»; «Се отецъ вашъ. Имейте его во Христовъ образъ, и со всякимъ послушаниемъ покарайтесь ему!») и его полнейшего смирения (Филипп долго отказывается от игуменства, когда его молят Алексий и братия; став игуменом, уходит в пустынь, и после смерти Алексия его благословляют на игуменство во второй раз, вновь преодолевая его сопротивление). Мотив этот в Пространных редакциях оказывается сквозным (так же подробно описываются плач и отказы Филиппа от митрополичьего престола, сетование на недостоинство и т. п.).

Во всех трех редакциях рассказывается о строительной деятельности Филиппа в Соловецкой обители. Не останавливаясь сейчас на вопросах собственно строительства (быстроты, высочайшего уровня мастерства, точной реализации передовой не только для XVI, но и XVII в. технологии и принципов гидротехнических работ), подчеркнем зафиксированную Житием добрую связь монастыря с московским государем. Хотя в текстах ничего не говорится о пожертвованиях Ивана Васильевича в Соловецкую обитель (и денег, и крестов, и одеяний, и книг), но отмечено, что в храме Успения Богородицы Филипп «прегради престоль Иоанна Предтечи» — во имя небесного покровителя Ивана Васильевича; в Преображенском соборе наряду с престолами 12 и 70 апостолов, собора Михаила Архангела, Зосимы и Савватия создаются престолы во имя Иоанна Лествичника (небесного покровителя старшего сына Ивана Грозного) и Федора Стратилата (покровителя младшего сына от Анастасии Романовой Федора Ивановича). Филипп «украши святыми иконами, и священными сосуды, и книгами, и всякимъ церковным украшениемъ» построенную церковь. Т. е. начальные отношения царя и Филиппа строятся на основе «нелицемерныя любви», взаимной приязни и уважения (во всех трех редакциях об этом говорится в описании первой встречи государя с соловецким игуменом, призванным в Москву «для исправления духовных»). Но далее во всех трех редакциях о развитии взаимоотношений царя и святителя повествуется по-разному.

В Кольчезской редакции Филипп выступает в роли просителя: обращения его к царю чаще всего предваряют слова: «и моли», «нача молити», «и глагола со многими слезами», «и припаде с тихою дерзостию, умилно веща» и т. п. Оппонентом Филиппа в этой редакции выступает не царь (он в ней везде именуется как «благоверный», «благочестивый», «достохвальный»), а сам дьявол и «греховное, нерадивое» человеческое естество. «Исконному злодею, началопагубному пресиятому змию, лукавому хищнику, древнему завистнику, прелестному шепотнику, сатане проклятому» (обличению дьявола и его тмообразных бесов отводится два рукописных листа) удастся подчинить себе людей. «...та вражие наветы и до самыя царевы советныя полаты дойде. И велможи межъ себя содеявше ненависть за возлюбление, и гордость вознесоша, и злами своими гнусными умышлениями друи на друга, аки змии, распыхаются... И самого благочестивого, и кроткого, и всещедрого державного государя-царя и вели-

кого князя Ивана Васильевича вся Русии возмутиша зелне на гнев, и ярость сами на ся воздвигоша, и человеконенавистием подстрекашешя...». Речи Филиппа к царю в Колычевской редакции по форме чаще всего — оправдания и мольбы: «О царю-свете, сиречь православия вседержавный наш государь! Умилися! Разори, государь, многолетное свое к миру негодование напрасное, призри милостивно, помилуй нас, своих безответных овец!», «А тебе, государю, мы не изменники», «Умилосердися, светлейший и многохвалный государю ко своим подручником и повинным нам, сиротам... Аще, государь, не велиши престати от сея крови и обиды, взыщет сего Господь от руки твоя. Сам ты, государь, мудрый царь, наипаче меня, многогрешнаго, вся сия веси... имею попечение о твоей единокровной и безсмертной души».

Текст Тулуповской редакции на первый взгляд кажется наиболее остропублицистическим. Однако необходимо отметить, что главный предмет обличений Филиппа — злые советники: «наветники хитры», «злу исповеднищы». Именно они все время подвигают царя на гнев: «Наваднищы же безумнии, соблазнь имеяху, богомерьская угождения творяху, не радуются о благочестии и о смиреннии мира, но паче тщатся озлобити православное християнство и на гнев превратити православнаго царя для своея мотекущая чести и славы». «Убойся, о царю, Божия суда!.. Добре рече богогласный песнопевецъ: „Отвращайся ласковцевъ лестныхъ словес, яко и врановъ хитателныхъ нравы. Они бо телесныхъ ископовають очеса, сии же — душевныя. Ослепляють мысли, не погуцающе видети вещемъ истинны. Овии бо хвалятъ суцая хулы достойны, друзии же хулятъ многожды хвалы достойныя...“». Во всех обращениях Филиппа к царю в Тулуповской редакции наблюдаются два основных мотива — обличение злых советников и призыв к милосердию и любви («Аще убо царю и образом Божиимъ почтень еси, прощения греховъ требуеши. Прощай и к тебе согрешающыя, яко прощению дается прощение...»), «Христос бо сказа: „Заповедаю вам — да любите другъ друга“. Болше сия заповеди никто же имать! И божественнымъ его ученикомъ сему же согласующу...», «Государь яко ратнымъ показуеъ власть, покоривымъ же даеъ человеколюбие» и т. п.). Главными врагами Филиппа в Тулуповской редакции становятся «шотии же предстателие, нечестия сокровеннии, плевелы сеятелие, теплии злобы служителие». Государь, в известном смысле, такая же жертва их, как и Филипп.

В Краткой редакции нет стремления перенести большую часть вины с Ивана Грозного на его окружение, ибо единственно он — главная сила творимого зла: и Малюта, и Грязной, и Пимен, и Басманов — лишь покорные исполнители его воли. Не имея возможности привести много примеров (ограниченные объемом статьи), отметим маленький, но, на наш взгляд, достаточно яркий фрагмент. Все три редакции содержат рассказ о том, как Филипп отказал царю в благословении. В Колычевской этот эпизод читается так: «...прииде ту в соборную церковь пречистыя Богородицы благоверный государь-царь к соборному пеню. Святителю же...». В Тулуповской этот фрагмент имеет следующий вид: «Та же прииде ту в соборную церковь пречистыя Богородицы царь к соборному пеню в черные ризы оболчен. Тако же и прочии одеяни». В Краткой сказано иначе: «Царь же прииде к соборному пеню, оболчен в черные ризы. Тако же и прочии подобнищы злу». Филипп нравственно противостоит царю Ивану, причем противостоит без злобы и ненависти, борясь с самим Иваном за доброе в его душе. Неизменный противник крови, ненависти и беззакония Филипп в Краткой редакции ведет с царем диалог, причем в этом диалоге реплики обусловлены друг другом. «Царь <...>

рече: „Что тебе, чернцу, дело до наших царских советов? Не веси ли того, что мои меня хотят поглотити?“. Святый же рече: „Чернецъ моему владыце — Христу, якоже глаголеши. По данней же нам благодати от Пресвятаго Духа, по избранию Священнаго собора и по вашему изволению — пастырь есмь Христовы церкви. И едино есмь с тобою, еже должно имети о благочестии“. Царь же рече: „Едино ти, отче святой и честный глаголю: «Молчи!». А нас на се благослови по нашему изволению“. Святый же рече: „Наше молчание грехъ души твоей налагаетъ и смерть наноситъ! Егда убо корабленикъ соблазнится — малу приноситъ пакость, а егда кормчий соблазнится — всему кораблю творитъ погибель!“...». В Тулуповской редакции диалога нет: реплики царя становятся толчком для новых монологов Филиппа. Ответ Филиппа царю в Тулуповской редакции в этом эпизоде читается так: «Благочестивый царю! Наше молчание грехъ души твоей налагаетъ, и всеродную наноситъ смерть. Яко же и о плавающих речеся: „Егда корабленикъ соблазнится — малу и худу приносит пакость плавающимъ с нимъ, егда ли кормчий — всему кораблю творитъ погибель“. Аще ли же мы воли человечестей последовати будемъ, како речем в день пришествия Господня: «Се аз, Господи, и дети, яже ми еси даль!» Ибо Господу рекшу во святемъ Евангелии: «Си есть заповедь моя — да любите другъ друга, яко же возлюбих вы. Больше сея любве никто же имать»“». И далее (на протяжении одного рукописного листа) следуют рассуждения о заповеди христианской любви и обличения «пъстецъ злопыхательныхъ», хвалящих «хулы достойно».

Филипп в Краткой редакции — равный противник царя: автор, словно подводя итог столкновению митрополита с Иваном Васильевичем, говорит: «...где убо ни сошедшимся има — словеса мирна не глаголаша, доблий же страдалецъ сего не убоися и не умолча!» — т. е. молчать не могли оба. В Тулуповской этот фрагмент имеет вид: «...где убо ни сошедшеся — слово мирно ко святому не глаголаше. Доблий же страдалецъ ни сего убоися, умолча» — т. е. царь не произносит добрых слов. В Кольчевской читаем: «И многа словеса промежь има быша жестока, и неудобъ писанию предати» (нужно отметить, что автор Кольчевской пользуется этой таинственной фразой «неудобъ писанию предати» несколько раз, и в большинстве случаев не совсем к месту).

В Краткой редакции традиционный для житийной литературы конфликт царя-мучителя и святого перенесен в область нравственно-политическую: именно отсутствие нравственного начала в политике и делает Ивана Грозного в изображении автора Жития царем-мучителем.

Интересно, что в этом Житии большое значение придается «историческому фону»: так, строительство в Соловецком монастыре помогает раскрыть созидательную силу в образе Филиппа; трагически звучит в Краткой (чуть более размыто в Тулуповской) тема Новгорода (мольбы к Филиппу о заступничестве на его пути в Москву — тема предательства Филиппа новгородским архиепископом Пименом — гибель Филиппа, отказавшегося благословить поход на Новгород Ивана Грозного, который завершился гибелью самого Новгорода как центра культуры Северной Руси); тема мучения и гибели людей «разделенного царства» (и добрых, и злых) и др.

Создание архетипного текста — Краткой редакции «Жития митрополита Филиппа» может быть отнесено ко времени между 1591 (временем перенесения на Соловки мощей Филиппа) и 1597 г. (датой перевода игумена Иакова, постриженника Филиппа, с 1579 г. — игумена Соловецкого монастыря, главного инициатора перенесения мощей Филиппа из Соловецкого в Костромской Ипатьевский монастырь).

Поскольку в Краткой достаточно точно передан текст архетипа, то в ней нет оговорки: Филипп ведет строительство храма Зосимы и Савватия в Москве не «в патриархии» (как в Пространных), а «в митрополии». Не именуется и Соловецкий монастырь «лаврой». И еще одно. В пророчестве Филиппа о будущих митрополитах говорится: «Ниже аще хто от нихъ погребен имать быти» (речь идет об Успенском соборе). Известно, что после низложения Филиппа митрополитом в ноябре 1568 г. стал Кирилл, до того бывший архимандритом Троице-Сергиева монастыря, оказавшийся безмолвным свидетелем жестокостей царя. В 1572 г. он был погребен в Новинском монастыре. Антоний, сменивший его на митрополичьей кафедре (а до того бывший архиепископом Полоцким), умер в начале 1581 г. и был погребен вне Москвы; Дионисий, хиротонисанный из игуменов Хутынского монастыря под Новгородом в 1581 г., в феврале 1586 г. был «отослан» туда же, в Хутынь, где и умер. Иов через два года после поставления на митрополичий престол стал патриархом (в 1589 г.) и был похоронен в Успенском соборе в июне 1607 г. В Тулуповской также содержится это пророчество, поэтому, вероятно, и протограф Пространных редакций был создан до 1607 г.